

«Дело военных врачей»

Среди множества политических процессов, инспирированных чекистами в конце 30-х годов, было и «дело военных врачей», сотрудников Красноярского гарнизонного госпиталя. Обвинение было предъявлено — Николаю Агишеву — начальнику кожно-венерологического отделения, Петру Антропову — военврачу II ранга, Вениамину Протопопову — военврачу II ранга, Зиновию Гохлернеру — начальнику аптеки госпиталя, Илье Айзенбергу — невропатологу, военврачу I ранга, Василию Покатилову — комиссару госпиталя (А. Ферапонтов, 2001).

Врачей арестовали 23 ноября 1937 года. Главным фигурантом в деле был В. Протопопов. Его трагическая жизнь была своеобразным отражением превратностей той эпохи. После окончания в 1916 году медицинского факультета Томского университета он был мобилизован и отправлен на фронт, где работал в полковых лазаретах до самого окончания войны. Затем судьба забросила его в армию Колчака, а с 1920 года — в Красную армию, в Красноярский гарнизонный госпиталь. Он был действительно знающим врачом. За время службы в госпитале ему довелось лечить таких знаменитых людей, как полярники Отто Шмидт и Николай Папанин.

Всего за год до ареста местная газета «Защита Советов» опубликовала большую статью — «Юбилей врача», приуроченную к 20-летию его врачебной деятельности. Вот как писали о нем: «Вениамин Николаевич Протопопов один из представителей старой интеллигенции, немалая часть которой сразу после революции примкнула к рабочему классу, к советской власти. И наш юбиляр на протяжении ряда лет, засучив рукава, активно участвовал и участвует в нашей величественной и созидательной стройке нового общества».

Работа в госпитале и даже статья так и не стали индульгенцией от репрессий. Чекисты имели на этот счет свое мнение — старая интеллигенция должна быть истреблена, в идеале — поголовно. В «деле» была исправлена неточность статьи — Протопопов, после революции, не только не «примкнул к рабочему классу», но даже служил в армии Верховного правителя Александра Колчака, и еще в 1933 году привлекался по делу контрреволюционной офицерской организации. К тому же и происходил он из семьи священника, расстрелянного красными на крыльце собственного дома вместе с 16-летним сыном, братом Вениамина Николаевича. Казалось бы, в хаосе гражданской войны, и откуда знать об этом чекистам конца 30-х? Однако знали. Этого было достаточно. Так что Протопопов, по сути, был заранее обречен, сито чекистского отбора оказалось для него слишком частым. Немаловажно и то, что немалое значение этому «делу» придавали в Москве. Санкционировал арест лично нарком Внутренних дел Николай Ежов.

Обыск в его квартире шел всю ночь. Весь улов чекистов состоял из стопки медицинских журналов, нескольких охотничьих ружей, малокалиберной винтовки и пистолета «Браунинг». Все оружие было наградным за отличный труд на поприще военной медицины.

Обвинение поражает абсурдностью. Оказывается, военные врачи «по заданию военно-троцкистской организации проводили контрреволюционную вредительскую деятельность в практике лечения военнослужащих и на случай мобилизации готовили совместно с другими участниками этой организации массовое отравление военнослужащих Красноярского гарнизона». Дикая нелепость, конечно, однако НКВД и прокуратура этим не смущались. Машина репрессий, жертвы, попавших в ее жернова, уже не отпускала.

Изощренно-садистским было и наказание семей арестованных неизвестностью. Жена Протопопова, Алевтина Михайловна, упорно писала во все инстанции, пытаясь узнать хоть что-нибудь о судьбе своего мужа. Только в марте 1939 года она получила ответ из военной прокуратуры: «Сообщаю, что Ваш муж, Протопопов Вениамин Николаевич, осужден и выслан из пределов Красноярского края, без права переписки. Куда и когда он выслан — для нас неизвестно. Военный прокурор Антонов». Но это была очередная ложь.

В архивах сохранилась депеша из прокуратуры СибВО на имя этого Антонова, датированная апрелем этого же 1939 года: «Сроч-

но сообщите, как разрешено дело по обвинению б.врача Красноярского госпиталя Протопопова Вениамина Николаевича, арестованного с санкции б.ВП 321 т. Варского 23.11.37 г. Ответ дайте в срочном порядке, решение по делу требует ГВП. Военный прокурор СибВО, бригвоенюрист Лиховидов».

Ответ последовал незамедлительно: «Доношу, что Протопопов Вениамин Николаевич Военной Коллегией Верховсуда СССР в июле месяце 1938 года осужден к высшей мере наказания».

Из другого письма под грифом «С. секретно» от 5 марта 1939 года: «Сообщаем, что Роскин Я.И., Агишев Н.И., Айзенберг И.А., Покатилов В.А., Протопопов В.П., Антропов П.А. и Гохлернер З.М. осуждены Военной Коллегией Верховсуда СССР в июле месяце 1938 года по первой категории. Нач. 1 спецотдела УГБ УНКВД КК старший лейтенант госбезопасности Данков».

Кому и зачем понадобилось это дело? Очевидно, что затевалось оно на самом высшем уровне. Арест санкционировал сам нарком, а судила несчастных врачей не какая-нибудь местная тройка ОСО, а специальная выездная коллегия Верховного суда СССР. Осудили их 14 июля 1938 года, а приговор привели в исполнение в тот же день. В 1957 году все осужденные по «делу военных врачей» были полностью реабилитированы. Расстрел семерых знающих и умных врачей — это была «крупная победа» чекистов над своей страной.